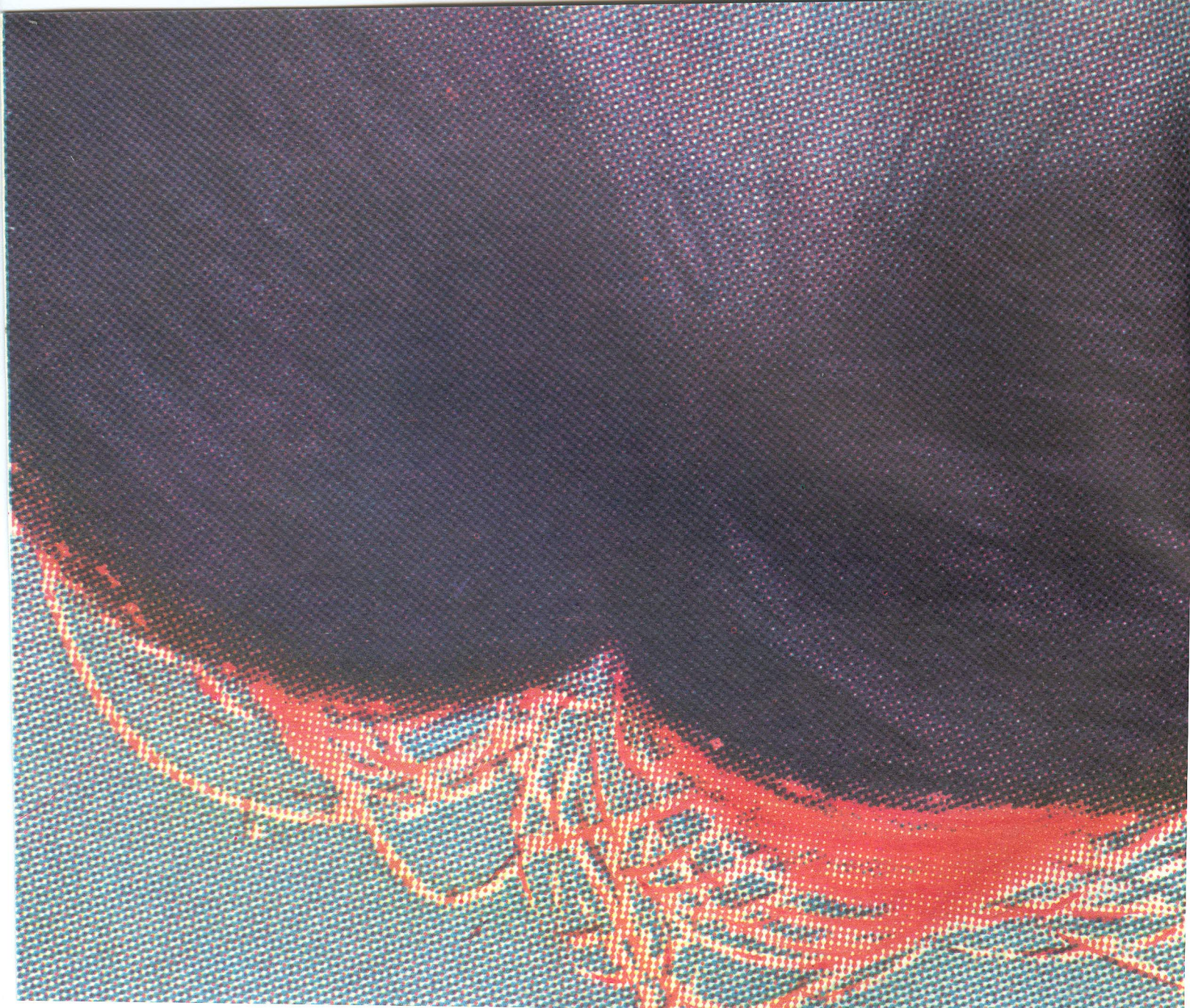
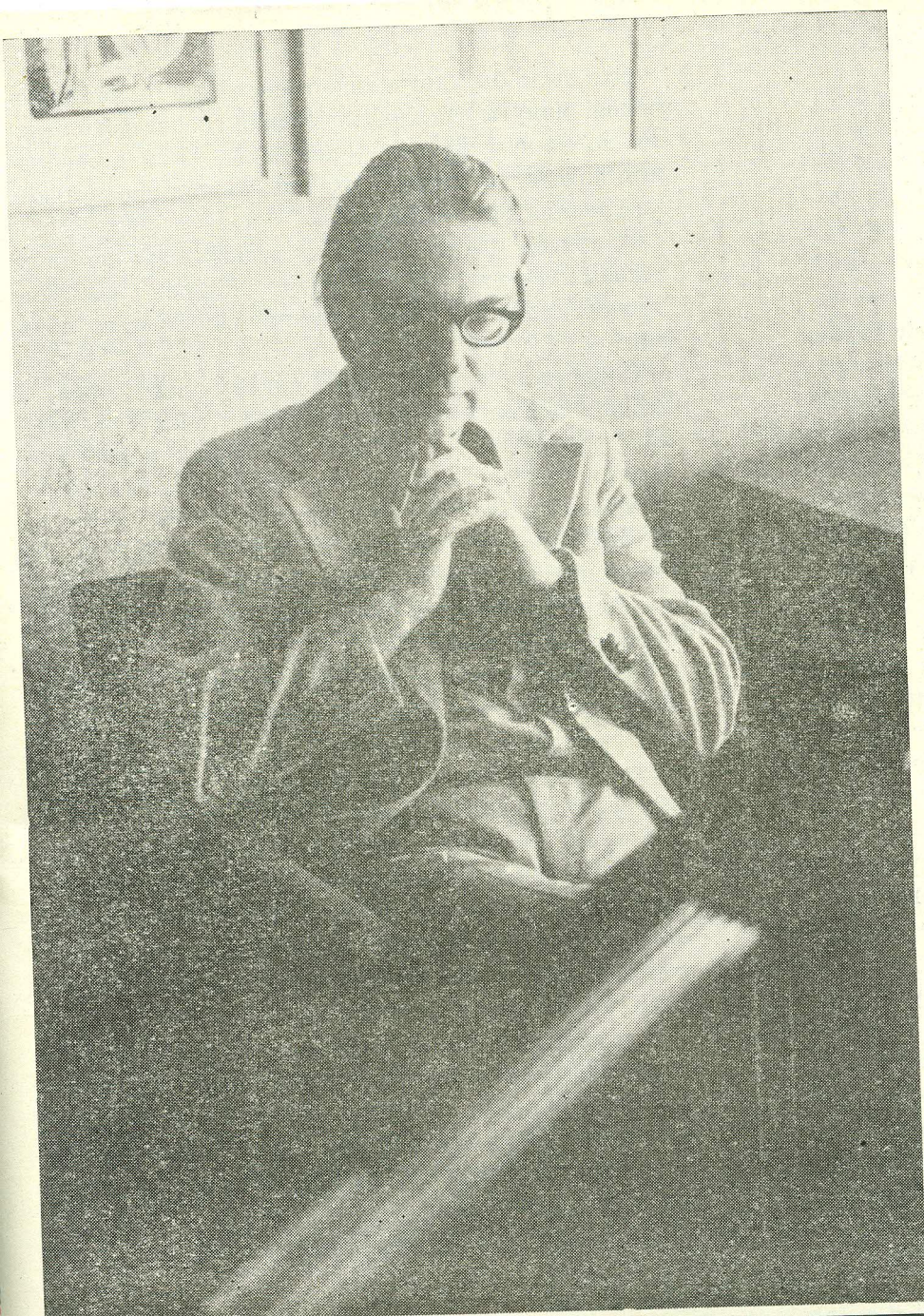

LEND

A halftone illustration of a landscape. The sky is a dark, textured blue. A dark green, rounded hill or mountain peak is on the right side. The foreground is a light green, textured field. The word "LEND" is printed in a bold, dark, sans-serif font in the upper right quadrant of the image.

ЭЙНО ТАМБЕРГ

Еще в ранней юности запали мне в душу строки стихотворения Бетти Алвер, в которых говорит она о преодолении себя. Если душа перестает бояться возможных препятствий, если может она оторвать от себя все, что приковывает к обжитому, привычному, и если в этот самый миг человек осмелится шагнуть, то даже серый камень станет плодоносить и покорно улягутся у ног смельчака хищные звери, — так считает Бетти Алвер. Эта же мысль, очень близка мне, легла в основу оперы. Преодолеть себя, перешагнуть через себя самого, уловить то мгновение, когда вдруг ощущаешь: невозможного нет! Тебе по силам воспарить над землей, ты можешь одолеть любые кручи — если осмелишься шагнуть!

Но как часто не осмеливаешься...

Эта опера в каком-то — самом общем, духовном смысле — моя собственная история, история моих мечтаний и страстей, уступок самому себе, непреодоления своего внутреннего барьера.

Как часто казалось: еще немного, еще чуть-чуть и свершится нечто значительное, родится на свет необыкновенное... Но скорость ракеты может быть немыслимо огромной, однако если она хоть на самую малость не дотягивает до второй космической, ракета не выйдет на орбиту. То же и в творчестве. И в жизни — в человеческих взаимоотношениях.

Это было бы удручающе горько, если бы не исключения: минуты счастья, мгновения творческого взлета, когда чувствуешь — нет барьера, ты в свободном полете, ты можешь «танцевать над пропастью», как писала Бетти Алвер.

И другая мысль поэтессы: судьбу мира на чаше весов определяет грамм, точно также от кафедры проповедника до палаты умалишенных всего лишь шаг.

Сила воображения, постоянное напряжение и незащищенность внутренней жизни писателя, актера, художника — любого человека творческого склада — нередко сродни безумию, сила самосредоточения, способность захватить, увлечь за собой других людей сверхъестественна. (Творческий склад природы отнюдь не привилегия людей искусства. Он встречается в самых разных сферах человеческой деятельности.)

Существует ли тот порог, за которым начинается истинное безумие? Или же погруженный в творчество человек порой свободно переходит границу, а затем возвращается в нормальное состояние? И всегда ли удается возвратиться?

Безумие не только трагедия, но и болезнь. Противостоит идеализировать безумие. Но как быть тогда с поступками юридически нормальных и здоровых людей, которые вершат в нашем взрывоопасном мире такие дела, что самая жуткая фантазия сумасшедшего бледнеет рядом с ними?

В моей новой опере безумие — символ яркости творческого воображения и внутренней созидательной силы, символ, противостоящий «нормальному» обществу завсегдаев баров, этим типичным представителям всемирного кабаре мещан, ненавидящих все непонятное.

Почему в основу оперы положена именно повесть Павла Вежинова «Барьер»? Отчасти, я уже объяснил это выше. Но не всё. Меня захватила особая поэтическая атмосфера повести. И какая-то необыкновенная ее таинственность. А тайча, на мой взгляд, чрезвычайно важна для искусства. И игра. Девушка представляет себя героиней литературных произведений. Она играет в Жанну д'Арк, в Сольвейг... С отроческих лет я бесплодно завидовал людям, способным в игре прожить несколько жизней, с тех самых пор, как прочитал «Ниппернади», «Пер Гюнта»...

Не менее важно и то, что я был готов музыкально к разработке этой темы. Основные настроения уже прозвучали в написанных годом раньше Концерте для скрипки и оратории «Аморес». Именно поэтому перешли из оратории в оперу не только некоторые музыкальные идеи, но и строки текста.

Что же касается вообще текста оперы, то я чрезвычайно благодарен автору либретто Арво Валтону, который творчески подошел к первоисточнику, внес новые, существенные для трактовки идеи сцены и смело отказался от тех сюжетных линий, которые в опере были лишними. Я писал музыку, как говорится, на одном дыхании с октября 1982 по апрель 1983 года. Правда, этому предшествовал полугодовой период напряженной работы — составление либретто, в котором должен активно участвовать и композитор, а также вживание в мир будущих героев. Это было счастливое время. Также счастлив был я те месяцы, которые довелось мне провести в театре на репетициях оперы.

Σιν Τονβου

АРВО ВАЛТОН